

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тарасевич И.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра конституционного и муниципального права,
Института права, экономики и управления,
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: православие, религиозные преступления, религиозная безопасность, конституционно-правовой, национальная безопасность

Key words: orthodoxy, religious crimes, religious security, constitutional, national security

Аннотация. В статье выдвигается идея о том, что на современном этапе развития общества религиозная безопасность является одной из важнейших составляющих национальной безопасности любого государства, в частности, России. В тоже время сегодня тема религиозной безопасности общества остается одной из наименее изученных. В данной статье автор рассматривает различные мнения ученых-правоведов о сущности религиозной безопасности и на базе этого выдвигает собственное определение данного феномена. На основании данного определения возможна работа по определению карты угроз религиозной безопасности России, а также разработка принципов обеспечения данного вида национальной безопасности Российской Федерации. Такие принципы должны иметь комплексный характер и являться связующим звеном между российским обществом и системой обеспечения религиозной безопасности, а также руководством в деятельности всех органов государственной власти Российской Федерации.

The article presents the idea that religious security in today's society is a major component of the national security of any state, particularly Russia. At the same time the problem of religious public safety remains as one of the least studied. In this article, the author examines the various opinions legal scholars about the nature of religious security as part of that brings its own definition of the phenomenon. Based on this definition, can work to identify threats to the religious chart to Russia's security, and the development of principles for this kind of national security of the Russian Federation. Such principles should be comprehensive and be a link between the Russian society and the religious security software, as well as leadership in the work of all public authorities of the Russian Federation.

Термин «религиозная безопасность» Российской Федерации постепенно входит в научный оборот и становится все более употребительным, но его четкое определение до сих пор отсутствует. До настоящего времени отдельные авторы лишь касались некоторых аспектов данного понятия, но комплексного изучения феномена религиозной безопасности не проводилось.

Появление этого термина мы относим к середине 90-х годов прошлого века, когда о религиозной безопасности в контексте национальной безопасности заговорили российские законодатели. В частности, в обращении Государственной Думы Российской Федерации «К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» от 15 декабря 1996 года [1] предлагалось «считать религиозную безопасность рос-

сийского общества важным приоритетом национальной безопасности наряду с военной, политической, экономической, экологической и социальной». Обращение было реакцией на факты антиобщественной и антигосударственной деятельности некоторых религиозных объединений, что, безусловно, являлось прямой угрозой национальной безопасности Российской Федерации.

На Западе религиозной сфере в процессе стратегического планирования всегда придавалось высокое значение. И в этом нет ничего удивительного, т.к., по нашему убеждению, религиозная мотивация в деятельности человека является самой устойчивой и сильной [2; 3; 4; 5], именно от нее, зачастую, зависят судьбы целых народов. Мы убеждены, что в современном обществе недооценивается геополитический потенциал религии.

Так, бывший помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский заявлял: «После того, как мы покончили с коммунизмом, главный наш враг — православие...» [6]. Усилия субъектов международно-правовых отношений по уничтожению России включают в себя и поляризацию российского общества в религиозной сфере [7; 8, 59 – 164].

Свою политику в данном направлении они осуществляют на самом высоком политическом уровне. В подтверждение данного тезиса можно привести встречу Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и госсекретаря США Мадлен Олбрайт, которая состоялась в 1997 году. Единственная задача, которую Олбрайт ставила перед собой на встрече, было обеспечение зарубежным религиозным объединениям полной свободы действий в России [9].

На сегодняшний день можно с уверенностью говорить, что система национальной безопасности России является уязвимой без выделения религиозной безопасности в качестве обособленного института. Но такое выделение невозможно без четкого определения религиозной безопасности Российской Федерации.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [10] содержится следующее определение национальной безопасности: «национальная безопасность» — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства».

При этом, если в советский период истории России безопасность, практически исключительно, рассматривалась применительно к государству, то сегодня безопасность рассматривается российским законодателем в отношении триединства – личности, общества, государства.

Таким образом, законодатель выделяет три уровня объектов безопасности – личность, общество, государство, соответственно и религиозная безопасность как неотъемлемая часть национальной безопасности должна обеспечиваться на всех вышеупомянутых уровнях – на уровне отдельной личности, общества и государства в целом. При этом государство выступает основным субъектом обеспечения национальной безопасности.

Перед тем как сформулировать определение религиозной безопасности обратимся к научной доктрине и проанализируем мнения ученых-правоведов на этот счет.

А.И. Казаник предложил под религиозной безопасностью рассматривать «систему гарантий свободы совести и вероисповедания внутри страны, состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от религиозного экстремизма и духовной агрессии» [11, 174]. Но, мы систему гарантий свободы совести и свободы вероисповедания считаем составной частью правовой основы религиозной безопасности. Таким образом, мы рискуем общее подменить частным, в связи с чем, данное определение можно считать не полным.

Е.М. Шевкопляс предлагает использовать следующее понятие религиозной безопасности: «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от религиозного экстремизма, оккультизма и духовной агрессии» [11]. В данном случае, по нашему мнению, автор сужает перечень угроз религиозной безопасности, в частности, не учитывает религиозную преступность, от которой объекты безопасности также нуждаются в защите.

По мнению Е.С. Сусловой религиозная безопасность – это «Безопасность от угроз и защита общенациональных интересов в духовной сфере» [12]. В данном случае, автор не поясняет, что понимается под общенациональными интересами. Кроме того, как и у Е.М. Шевкопляса, в данном определении используется термин «духовный», содержание которого, по нашему мнению, недостаточно раскрывается.

Законодательство Российской Федерации содержит в себе термин «духовный». В частности он используется в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» при определении сфер национальной безопасности, для обеспечения которых государство сосредоточивает свои усилия и ресурсы.

Возникает вопрос о соотношении терминов «духовный» и «религиозный», а так же вопрос о целесообразности использования термина «религиозная безопасность», не корректнее ли было бы использовать исключительно термин «духовная безопасность»?

Нужно сказать, что указанные термины не тождественны. Термин «духовный» более объемен по содержанию, чем термин «религиозный». К религиозной сфере (от латинского *religio* — набожность, святыня, предмет культа) принято относить мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), основанные на вере в существование Бога или богов, сверхъестественного [13, 1113]. К духовной же сфере кроме собственно религиозной составляющей обычно относят музыку, изобразительное искусство, философию и другие объекты мира культуры, которые, по сути, составляют объекты безопасности других сфер, в частности информационной. Поэтому нам представляется более при-

емлемым использование термина не духовная, а именно религиозная безопасность.

Соответственно, Е.М. Шевкоплясу и Е.С. Сусловой было бы корректнее в предлагаемых ими дефинициях использовать термин «религиозный».

Кроме того, Е.М. Шевкопляс отмечает в своем определении, что объекты безопасности должны быть защищены от оккультизма, с чем мы согласны. Но оккультизм и различные оккультные направления являются частью угроз религиозной сфере, и выделять их особо в определении религиозной безопасности нет необходимости.

Ю.В. Сластилина предлагает следующее определение религиозной безопасности: «состояние защищенности права на свободу вероисповедания от неправомерного воздействия со стороны других лиц, религиозных объединений и государства» [14, 75]. Аналогичное определение религиозной безопасности дает в своей диссертации В.В. Мамонов, под которой он понимает «защищенность возможности реализации каждым свободы совести, веры и исповедания от неправомерного воздействия со стороны других лиц, государства, каких-либо религиозных объединений» [15, 328]. Но, по нашему мнению, указанные авторы в своих определениях неоправданно сужают перечень объектов религиозной безопасности до права на свободу вероисповедания, которое, безусловно, нуждается в защите, но существуют и другие объекты религиозной безопасности.

Так, С.В. Козлов определяет религиозную безопасность как «состояние стабильного существования, воспроизведения и самобытного развития конфессиональных традиций всех народов России» [16, 7]. И далее он поясняет, что «новым объектом защиты в ходе обеспечения религиозной безопасности является конфессиональная идентичность, которая базируется на устойчивых системах морально-правственных ценностных предпочтений. Потеря авторитета традиционных религиозных организаций приводит тому, что деструктивный религиозный опыт получает неограниченное влияние на социум. В этой связи должна быть не только признана бесспорная значимость религиозных традиций как социальной конструктивной составляющей, но и исключительность религиозного опыта той нации, безопасности которой идет речь» [16, 7].

Мы полностью согласны с С.В. Козловым в части того что потеря конфессиональных традиций представляет для России серьезную опасность, но, по нашему мнению, конфессиональная идентичность является частью конституционного права человека на свободу вероисповедания, и ее следует ограничиваться при разработке определения религиозной безопасности.

Л.А. Андреева в своих научных работах использует термин «государственно-конфессиональная безопасность» при этом понимая под этим «состояние защищенности интересов этноконфессиональных субъектов, достигаемое путемнейтрализации деструктивного или негативного воздействия на сложившуюся в обществе систему религиозно-правовых ценностей, агрессивного вмешательства в процессы обретения духовной идентичности личности» [17, 53].

По сути, определение государственно-конфессиональной безопасности, которое дает Л.А. Андреева аналогично определению религиозной безопасности, сконструированному С.В. Козловым. По нашему мнению, сложившаяся

обществе система религиозно-правовых ценностей, в основном, соответствует понятию конфессиональных традиций, о которых пишет С.В. Козлов, и потеря которых представляет для России опасность. В тоже время, право на сохранение религиозно-правовых ценностей, на наш взгляд, является составной частью права личности на свободу совести и вероисповедания. Таким образом, Л.А. Андреева, как и С.В. Козлов, склонна к узкому пониманию угроз религиозной безопасности России.

Кроме того, сам термин государственно-конфессиональная безопасность представляется нам полемичным. В частности, мы не согласны с автором в плане использования в термине слова «государственно», иначе необходимо было бы говорить не об информационной безопасности, а о государственно-информационной безопасности, не о продовольственной безопасности, а о государственно-продовольственной безопасности и т.д.

В данном смысле было бы корректнее говорить о конфессиональной безопасности России. Но термин конфессия, в свою очередь, является достаточно узким и охватывает лишь часть религиозных институтов российского общества.

Во-вторых, в литературе термины религия и конфессия часто понимаются как синонимы. Но это неверная точка зрения. Религии – это такие объединения как христианство, ислам, буддизм, иудаизм и т.д. Конфессии – это, строго говоря, различные направления внутри какой либо религии, например, христианства – православие, католицизм, протестантизм.

Термин «конфессия» можно с некоторой натяжкой применять и в отношении последователей ислама. Внутри ислама существуют различные течения: суннизм, шиизм, суфизм, ваххабизм. Или внутри иудаизма – ортодоксальный иудаизм, хасидизм и реформистский иудаизм. Но, на данный момент, термин «конфессия» используется религиоведами практически только для различия направлений в христианстве.

Исходя из вышесказанного, верным будет говорить именно о религиозной безопасности России.

Таким образом, в большинстве проанализированных выше определений присутствуют выделенные нами ранее объекты религиозной безопасности – это личность, общество и государство.

Отталкиваясь от вышеприведенных рассуждений можно сформулировать понятие религиозной безопасности. Религиозная безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, рождающихся в религиозной сфере.

Но состояние защищенности личности, общества и государства – это слишком абстрактная категория. В связи с чем возникает вопрос о том с какой целью и до каких пределов должны быть защищены личность, общество и государство? Цели и пределы защиты объекта могут быть самыми разнообразными. Даже преступник нуждается в защите со стороны государства в период отбывания им наказания. В этот период государство обеспечивает такому человеку питание, медицинское обслуживание, создает определенные условия повседневной жизни и т.д. В данном случае государство делает это для того, чтобы достичь целей уголовного наказания и при этом сохранить человека и в перспективе, если будет возможно, вернуть его в социум.

Применительно к религиозной безопасности ответ на подобный вопрос очевиден. Состояние защищенности личности, общества и государства необходимо для соблюдения прав граждан, суверенитета, территориальной целостности государства, устойчивого прогресса Российской Федерации, а иными словами для эффективной реализации основ конституционного строя России. Именно поэтому, в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» акцент делается на том, что национальная безопасность является гарантом конституционного строя России.

В связи с этим, окончательное определение религиозной безопасности России мы считаем необходимым сформулировать следующим образом – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, рождающихся в религиозной сфере, необходимое для реализации основ конституционного строя Российской Федерации.

Таким образом, имея определение религиозной безопасности России, мы можем приступить к разработке классификации угроз религиозной безопасности. Угрозы религиозной безопасности включают в себя множество компонентов, для нейтрализации каждого из которых, зачастую, необходим целый комплекс средств и мероприятий.

Следующим шагом должна стать разработка принципов обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации. Такие принципы должны иметь комплексный характер и являться связующим звеном между российским обществом и системой обеспечения религиозной безопасности, а также руководящими началами в деятельности всех органов государственной власти Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Постановление ГД ФС РФ от 15.12.1996 N 918-П ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семью, граждан России» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 1, ст. 52.
2. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.
3. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2006. С. 162.
4. Людвиг фон Мизес. Человеческая деятельность / Бюро Григория Сапова [сайт]. 2001. 1 июня. URL: <http://www.sapov.ru/baf/la-ch01.htm> (дата обращения: 14.11.2012).
5. Кирлеков А.И. Религиозные итоги ХХ века / Сетевой проект «Русского мира» Русский Архипелаг: 2001. ноябрь. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/resume/resume/ (дата обращения: 14.11.2012).
6. Независимая газета. 1997. 14 февраля.
7. Хинштейн А. Е. Как убивают Россию / Либрасск. 2008. 4 января. URL: <http://lib.rus.ec/b/95510/read> (дата обращения: 14.11.2012).
8. Федоров В.А.. Россия: внутренние и внешние опасности – 2-е изд. М.: Огни ТД, 2005. 382 с.

9. Патриарх Алексий II: Нельзя беззастенчиво покупать души людей // Комсомольская правда. 2002. 25 декабря. № 237.
10. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // «Собрание законодательства РФ», 18.05.2009, № 20, ст. 2444.
11. Шевкопляс Е.М. Уголовно-правовая охрана свободы совести в России / дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск: РГБ, 1999. 194 с.
12. Суслова Е.С. Религия и проблемы национальной безопасности на Северном Кавказе / дис. ... канд. философских наук: 09.00.13. М.: РГБ, 2004. С. 5.
13. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 1600 с.
14. Сластилина Ю.В. Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности / дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Архангельск, 2006. 215 с.
15. Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности Российской Федерации / дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Саратов, 2004. 411 с.
16. Козлов С.В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности / дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.02. Ростов н/Д: РГБ, 2007. 138 с.
17. Андреева Л.А. Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001. 251 с.